

**РОЛЬ ЭКФРАСИСА В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТА «КРАСОТА»
В РАССКАЗЕ В. ВЕРЕСАЕВА «СОСТЯЗАНИЕ»
THE ROLE OF ECPHRASYS IN FORMING THE CONCEPT OF BEAUTY
IN V. VERESAEV'S STORY «CONTEST»**

Аннотация: В статье рассматриваются специфические проявления экфрасиса, его смысловые, композиционные аспекты в рассказе Викентия Вересаева «Состязание». Выявлена роль экфрасиса в формировании концепта «красота» как понятия нравственно-эстетического.

Ключевые слова: экфрасис; концепт «красота»; антитеза, эстетическая и нравственная оценка.

Abstract: The article examines the specific manifestations of ecphrasis, its semantic, compositional aspects in the story of Vikenty Veresaev «Contest». The role of ecphrasis in the formation of the concept of «beauty» as a concept of moral and aesthetic is revealed.

Keywords: ekphrasis; the concept of «beauty»; antithesis, aesthetic and moral assessment.

В толковом словаре С. И. Ожегова дается несколько определений слова «красивый». На первом месте стоит значение «...доставляющий наслаждение взору, приятный внешним видом, гармоничностью, стройностью, прекрасный» [7]. На втором – «...полный внутреннего содержания, высоконравственный» [7]. И на третьем месте – «...привлекающий внимание, эффектный, но бессодержательный» [7]. Что дает основание выделить в понимании красоты не только эстетическое, но и нравственное начало, акцентировать внимание в понятии «красоты» на нравственном содержании? Несомненно, важную роль в этом утверждении играют литература и искусство. Их синтез дает еще больший эффект. Одним из таких средств в художественном произведении, на наш взгляд, является экфрасис.

Экфрасис – описание какого-либо предмета визуальных искусств (живописи, архитектуры, скульптуры) в художественном произведении [4].

Какова роль экфрасиса в формировании концепта красоты в сознании читателя? Концепт «красота» в русской культуре традиционно определяет единство духовного и физического совершенства личности, причем духовное стоит на первом месте. Такая красота называлась божественной, ангельской, небесной, неземной [8]. Как отмечено Е. А. Черкашиной, «...в русской фразеологии прослеживается четкое понимание того, что красота бывает внешней и внутренней,

при этом русский человек всегда отдает предпочтение красоте внутренней и ценит прежде всего в человеке ум, доброту, трудолюбие, талант» [9, с. 42–43]. Критерием красоты является особое эстетическое чувство, переживание. Это субъективный критерий, но в нем два составляющих компонента: общезначимый и индивидуально-личностный [1]. Зачастую с помощью экфрасиса и передаются эти два компонента: автор показывает и сам фрагмент действительности, и именно этот субъективный момент восприятия мира. То есть, воспроизводя существующую действительность, экфрасис моделирует и другую, альтернативную реальность.

А. Н. Криворучко в статье «Функции экфрасиса в русской прозе 1920-х годов» отмечает, что востребованность экфрасиса в литературе свидетельствует о росте значимости эстетической проблематики и метаповествования в контексте культуры. Возникнув более двух тысячелетий назад в качестве особого жанра, античный экфрасис претерпел значительные изменения и утратил жанровую специфику. По этой же причине некоторые филологи-классики склонны ограничивать его активное функционирование в мировой литературе эпохой Возрождения, не признавая за позднейшим экфрасисом значимых художественных особенностей на фоне других элементов художественного текста. Вместе с тем, большинство исследователей говорит о продолжении экфрасической традиции в литературе XVII–XXI веков: от Дж. Китса, Э. Т. А. Гофмана и О. де Бальзака до У. Эко и А. Баррико. В русской литературе экфрасис появился еще в Средние века: описание сакральных предметов, изображений, построек было важным элементом в жанре хождения. Позднее к нему обращались Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, В. М. Гаршин, Л. Н. Толстой, И. С. Шмелев, И. А. Бунин, И. Э. Бабель, В. В. Набоков, Д. И. Быков, Д. И. Рубина и др., что позволяет говорить о существовании в России литературной традиции экфрасиса, во многом опирающейся на западноевропейскую [5, с. 6–7].

Роль экфрасиса изменялась от эпохи к эпохе: от темы искусства и художника как идейных центров творчества для воплощения авторского этического и эстетического идеала до стремления к синтезу искусств, облеченного верой художника в свою способность непосредственно воздействовать на действительность. Русская литература всегда имела особую внутреннюю цель при включении экфрасиса в произведение: это вопросы вечные – жизни и смерти, совести и бесчестия, добра и зла, красоты и дисгармонии. И поэтому литература могла заставить человека переосмыслить жизнь, самого себя, просветить ум, чувства и душу. В этом мы убеждаемся, обратившись и к произведениям малой формы.

Часто предметом экфрасиса становится произведение искусства, изображающее прекрасную молодую женщину, прототипом которой стала вполне реальная женщина. Образ возлюбленной и одновременно музы как воплощение этического и эстетического идеала художника – своеобразный центр произведений многих русских писателей.

Именно так построен рассказ «Состязание», написанный Викентием Вересевым в Коктебеле, в Крыму, в 1919 году. В произведении с романтическим и

вместе с тем сказочным сюжетом и образным строем создается невероятная атмосфера. Автор погружает читателя в мир древней цивилизации: высокий стиль, возвышенная лексика, древний город, глашатаи и место состязания, коим является площадь Красоты.

Антитеза становится основным композиционным и смысловым приемом произведения, посвященного поиску совершенства. Сюжет прост и основан на противопоставлении двух героев. Художники состязаются в создании самого красивого полотна. «Учитель – Дважды-Венчанный» старец, гордость города – и его ученик – молодой Единорог – должны создать картину, изображающую красоту женщины. Молодой ученик нашел ее в своей возлюбленной – Зорьке, «...обыкновенной девушке, каких везде можно встретить десятки» [3, с. 77]. Седой старец отправился искать по миру высшую Красоту – «...деву, в которую природа вложила лучшую свою красоту» [3, с. 77]. Шли месяцы, и однажды он встретил ее. «С предгорного холма, залитая лучами солнца, спускалась стройная дева в венке из фиалок» [3, с. 78].

В рассказе читатель видит два экфрасиса. Учитель изобразил на своей картине Фиалковенчанную: «Божественно-спокойная, стояла дева и смотрела на толпу большими глазами, ясными, как утреннее небо после ночной грозы» [3, с. 78]. Но люди при ее созерцании ощутили лишь глубокую тоску от недостижимости этой красоты, которая характеризуется эпитетом «холодная», и присудили победу молодому художнику, с картины которого смотрела обычная девушка Зорька. «Та самая Зорька, что по утрам возвращается с рынка, неся в корзине полдюжины кефалей, пучки чеснока и петрушки; та самая Зорька, что мотыжит за городом свой виноградник и по вечерам доит на дворике коз. Сидит, охватив колено руками, и смотрит на толпу» [3, с. 78]. Спокойно, обыденно, не смущаясь прозаическими, бытовыми, сугубо земными деталями, описывает автор картину. Именно она дала возможность вспомнить каждому лучшие минуты его любви. Любовь художника наполнила картину «чудесным светом». Автор утверждает красоту душевную, а не ту, что лишь радует глаз и вызывает «тоску», ожесточает душу, как случилось со зрителями, когда они смотрели на портрет Фиалковенчанной.

В рассказе много однокоренных слов: «заря», «озаренная», «озарилась», «озарение», но исключительно Зорька, как имя собственное, полно любви, ласки, нежности и восхищения. Фиалковенчанная – неземная дева, озаренная восходящим солнцем, ослепляя каждого своей совершенной красотой, снисходит к простым смертным с высоты. Образ избранности, недоступности подчеркивают пейзажные детали – «темно-серые выступы суровых гор». Дева, «божественно-спокойная», «слепила взгляд, как солнце»; причем все вокруг «казалось темными смутным» [3, с. 78]. В облике девы было «молитвенное склонение и блаженная, нездешняя печаль» [3, с. 78]. Флористическая деталь «фиалка» становится тоже акцентной во второй главе: «месяц фиалок», «запах фиалок», «ковры фиалок» – все это «...целомудренные вестники ранней весны» [3]. Но они не помогают внести весну в души зрителей. Напротив, с ними в сердце входят холод и отчуждение.

Экфрасис в рассказе выполняет и сюжетную функцию: портреты становятся частью сюжетного пространства. Вымышленные произведения искусства помогают зрителям и читателю понять, что нужно уметь ценить то, что имеешь, а не делать «...по собственной вине жизнь серую и безрадостную» в вечной погоне за призрачным счастьем.

Автор, сопоставляя, противопоставляет героев и в романтическом порыве неслучайно наделяет их такими емкими и необычными именами. Единорог – мифическое существо, символизирующее целомудрие, духовную чистоту и искания. Учитель – Дважды-Венчанный за победы. Казалось бы, кто может оспорить его мнение? Но чистый сердцем ученик сумел рассмотреть невыразимое и открыть людям путь к пониманию истинной красоты, окрылил их и наполнил жаждой жизни и любви, раскрыл лучшее, что было в их сердцах. И благодаря экфрасису, это смогли прочувствовать читатели, в очередной раз убеждаясь в том, что внутренняя красота возвышает личность. С этой целью автор обращает внимание на психологическое состояние героев. «Сердце Дважды-Венчанного забилося сильными толчками, стало мало воздуха, а седая голова задрожала», а главное, «...сам он чувствовал в душе некоторый страх: он знал силу молодого Единорога, своего ученика», у него «всегда тоскующие глаза», и эту тоску почувствовали зрители [3, с. 77]. Важная психологическая деталь: во взгляде Единорога, указавшего на свою возлюбленную Зорьку как на высшую красоту, не было лукавства. Ключевые слова в описании Единорога – эпитеты «радостно», «ликуя», «весело». Юноша приветствует никем не побежденного художника в традиции древности: «Учитель, радуйся!» И в обращении к наставнику нет гордости, зазнайства, сознания собственного величия, а только трепетное поклонение. Таковую же радость и трепет ощутили все, когда смотрели на портрет Зорьки.

Сам В. Вересаев по этому поводу писал: «Художество делает самое малое большим. Как будто заглянешь в маленькое окошечко – и вдруг раскинутся перед глазами широчайшие дали, и сердце дрогнет от волнения... Художник – человек, "специальность" которого – глубоко и своеобразно переживать впечатления жизни и, как необходимое из этого следствие, – воплощать их в искусстве» [2, с. 4]. Смысл творчества истинного художника В. Вересаев видит в умении находить прекрасное рядом, воплощать его на холсте или в слове так, чтобы оно проникало в сердца людей, заставляло людей по-другому смотреть на жизнь. В рассказе проявляется духовно-нравственная функция экфрасиса, которая предполагает не только описание, но и истолкование картин, а также воздействие на зрителя и читателя: «Картина высвобождает в нас более глубокие подводные эмоции, увлекает нас приливами надежды и тревоги, душевного подъема, паники и отчаяния» [6, с. 52].

Финал – сильная позиция текста: эпилог – экфрасис портрета Зорьки – является конечной целью движения героев к пониманию красоты: красив тот, кто умеет любить, а не тот, кто ждет поклонения и преклонения.

Экфрасис в рассказе В. Вересаева, выполняя изначально эстетическую функцию, способствует выражению внутреннего мира персонажей, тем самым акцентируя авторское понимание красоты как понятия нравственно-эстетического.

Библиографический список

1. Басин, Е. Красота / Е. Басин // Универсальная научно-популярная энциклопедия Кругосвет. – <https://www.krugosvet.ru/enc/filosofiya/krasota> (дата обращения: 01.09.2022).
2. Вересаев, В. В. Записи для себя / В. В. Вересаев. – М. : Правда, 1961. – С. 4. – <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/publicistika/173545-4-vikentij-veresaev-iz-knigi-zapisi-dlya-sebya.html#text> (дата обращения: 01.10.2022).
3. Вересаев, В. В. Повести и рассказы: Состояние / В. В. Вересаев // Собрание сочинений : в 5 т. – М. : Правда, 1961. – Т. 4. Рассказы. – С. 76–79. – <https://libcat.ru/knigi/proza/russkaya-klassicheskaya-proza/30210-76-vikentij-veresaev-tom-4-povesti-i-rasskazy.html#text> (дата обращения: 01.10.2022).
4. Журбина, А. В. Большая российская энциклопедия: экфрасис / А. В. Журбина. – <https://bigenc.ru/literature/text/4928123> (дата обращения: 01.10.2022.).
5. Криворучко, А. Ю. Функции экфрасиса в русской прозе 1920-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Ю. Криворучко. – Тверь, 2009. – С. 6–8.
6. Лебедева, О. В. Живописный экфрасис в современной английской новелле / О. В. Лебедева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2017. – № 11. – С. 48–54.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=12229> (дата обращения: 01.09.2022).
8. Тарасенко, О. К. Эстетическая составляющая внутренней и внешней красоты человека в произведениях русских и английских авторов / О. К. Тарасенко // Научный журнал КубГАУ. – 2013. – № 90 (06). – С. 1–10.
9. Черкашина, Е. А. Концепт «красота» в русском языке / Е. А. Черкашина // Вестник ТГПИ. – 2014. – № 2. – С. 42–43. – <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-krasota-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 01.09.2022).